

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-3-6

УДК 304.2:378

Оригинальная научная статья

Экспорт образования как инструмент формирования «мягкой силы»

В. В. Петров

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: v.v.p@ngs.ru

Аннотация. *Введение.* Происходящие масштабные трансформационные процессы приводят к необходимости изменения и формы, и содержания образования как ключевого ресурса социального развития. В качестве одного из действенных механизмов регулирования социальных отношений может выступать «мягкая сила» («soft power»). *Постановка задачи.* Актуальность представлена с позиции факторов, состоящих из формальной и содержательной частей «мягкой силы» и инструментария ее реализации посредством высшей школы. Проблема заключается в существующем противоречии между разработанными формами реализации образовательного процесса и его содержанием в изменившихся социокультурных условиях перехода к локализации национальной системы образования. Цель работы – выявить инструменты мягкого влияния российского образования, которые могут быть использованы для нормализации международных отношений в современных условиях. *Методика и методология исследования.* В работе применяются социокультурный и структурно-функциональный подходы, позволившие выявить специфику влияния «мягкой силы» в различных сферах. С помощью аналитико-описательного метода сделано обобщение полученных данных и обозначены перспективные направления развития отечественной системы образования с точки зрения инструментария «мягкой силы» в рамках российской образовательной политики. *Результаты.* Понимание контекста и сферы влияния «мягкой силы» являются основными компонентами, которые помогают воздействовать на мир исключительно путем распространения привлекательного образа, ценностей, культуры и политики страны. Выделены формальный, государственный и содержательный уровни «мягкой силы». Экспорт образования рассматривается как инструмент «мягкой силы», который формирует представление о положении государства на мировой арене, а также в социальном, культурном и политическом пространствах. Обозначено, что стратегическая цель отечественной высшей школы заключается в распространении российской культуры и формировании привлекательного положительного имиджа России в международном культурном пространстве. *Выводы.* Образование, являясь транслятором культуры, способно выступать в качестве одного из самых эффективных инструментов «мягкой силы», способствуя укреплению безопасности государства.

Ключевые слова: политическая философия, образовательная политика, высшая школа, экспансия культуры, межкультурный диалог

Для цитирования: *Петров В. В.* Экспорт образования как инструмент формирования «мягкой силы» // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, №3. С. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-3-6>

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-3-6

Full Article

Export of education as a tool for the formation of «soft power»

Petrov, V. V.

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: v.v.p@ngs.ru

Abstract. *Introduction.* The ongoing large-scale transformational processes lead to the need to change both the form and content of education as a key resource for social development. One of the most effective mechanisms for regulating social relations can be «soft power». *Purpose setting.* The relevance is presented from the position of factors consisting

of the formal and substantive part of «soft power» and the tools for its implementation through higher education. The problem lies in the existing contradiction between the developed forms of implementation of the educational process and its content in the changed socio-cultural conditions of the transition to the localization of the national education system. The purpose of the work is to identify the instruments of soft influence of Russian education that can be used to normalize international relations in modern conditions. *Methodology and methods of the study.* The work uses socio-cultural and structural-functional approaches, which made it possible to identify the specifics of the influence of «soft power» in various fields. With the help of the analytical and descriptive method, a generalization of the obtained data was made and promising directions for the development of the national education system were identified from the point of view of the «soft power» tools within the framework of the Russian educational policy. *Results.* Understanding the context and sphere of influence of «soft power» are the main components that help to effect on the world solely through the dissemination of an attractive image, of values, culture and politics of the country. The formal, state and substantive levels of soft power are singled out. The export of education is considered as a tool of «soft power», which forms an idea of the position of the state on the world stage, as well as in social, cultural and political spaces. It is indicated that the strategic goal of the national higher education is to spread Russian culture and form an attractive positive image of Russia in the international cultural space. *Conclusion.* Education, being a translator of culture, can act as one of the most effective tools of «soft power», contributing to strengthening the security of the state.

Keywords: political philosophy, educational policy, higher education, cultural expansion, intercultural dialogue

Citation: Petrov, V. V. [Export of education as a tool for the formation of «soft power»]. *Professional education in the modern world*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-3-6>

Введение. Начиная с 2000-х гг. в рамках отечественной образовательной политики декларировалась нацеленность на вхождение российских университетов в международное научно-образовательное пространство. В условиях современных социокультурных трансформаций интеграционные процессы ограничились определенным рядом государств, а вектор отечественной научно-образовательной экспансии претерпел серьезное смещение. Происходящие масштабные трансформационные процессы приводят к необходимости изменения и формы, и содержания образования как ключевого ресурса социального развития. Предполагается, что в качестве одного из действенных механизмов регулирования социальных отношений может выступать «мягкая сила» («soft power»). «Мягкая сила» преимущественно определяется как способность добиваться необходимого результата через привлекательность, а не через принуждение и жесткую силу [1, с. 72]. Формулировка «мягкая сила» имеет различные содержательные трактовки и области применения, однако ее формальное закрепление в качестве термина остается и используется в международной терминологии в неизменной форме. «Мягкая сила» выступает в качестве транслятора способности государства привлекать международных субъектов для решения стратегических задач, построения дружественных отношений, образованных «путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» [2, р. 198]. Она появилась как антитеза «жесткой силы», а актуальность термина стала еще более обширной в связи с ус-

ложением ситуации в геополитических и геоэкономических аспектах устройства мира, а также в связи с глобальными кризисами и усложнением поликультурной жизни человечества. Арсенал мягкой силы реализуется посредством культуры, дипломатии, науки и образования [3, с. 202].

Этот подход подтверждается рядом отечественных исследователей. Так, С.А. Спартак и А.А. Костикова отмечают, что образование сегодня является мягкой силой, работающей в системе интеллектуальной деятельности [4, с. 33], а Ю.В. Ярмачок заостряет внимание на том, что «эту многоликую силу важно распознать и не позволить ей работать на разрушение и запрещение отечественной культуры как внутри страны, так и за ее пределами» [5, с. 15]. Концепция «мягкой силы» стала ответом на мировые трансформации, произошедшие на рубеже XX–XXI вв. Она выступила в качестве нового мирового тренда, курса, направленного на понимание системы международных отношений, ведения образовательной политики и публичной дипломатии. Эта концепция позволяет наладить коммуникационные процессы между странами, добиваться успеха в конкурентной борьбе, используя разные формы влияния: рейтинги, СМИ, обменные программы и т.д.

Постановка задачи. Актуальность тематики, рассматриваемой в нашем исследовании, можно представить с позиции двух важных факторов, состоящих из формальной и содержательной частей «мягкой силы» и инструментария ее реализации посредством высшей школы. Проблему, которая здесь затрагивается, обозначим как противоречие между разработанными формами реализации образовательного процесса и его содержанием

в современных стремительно изменившихся социокультурных условиях перехода к локализации национальной системы образования.

Цель исследования состоит в выявлении инструментов мягкого влияния российского образования, которые могут быть использованы для нормализации международных отношений в современных условиях. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: во-первых, конкретизировать основные принципы концепции «мягкой силы»; во-вторых, обозначить содержательную характеристику реализации «мягкой силы» посредством системы отечественного образования в современных условиях.

Методика и методология исследования.

Применяемые нами в рамках работы социокультурный и структурно-функциональный подходы позволили выявить происхождение и охарактеризовать особенности влияния «мягкой силы» в различных сферах. Изучение концептуально значимых документов, определяющих развитие системы образования в целом, сделало необходимым применение аналитико-описательного метода, позволившего обобщить данные, полученные в ходе исследования и обозначить перспективные направления отечественной системы образования с точки зрения инструментария «мягкой силы» в рамках российской образовательной политики.

Результаты. В настоящее время существует ряд исследований, выполненных как отечественными, так и зарубежными исследователями, где предпринята попытка дать общий перечень характерологических особенностей «мягкой силы», включая вопросы происхождения и содержательного наполнения этого понятия. Выявляя сущность концепции и возможность ее реализации на практике в отечественных условиях, в рамках нашей работы мы используем материалы Дж. Най [2; 6–9], обращаемся к результатам Д. А. Балдина [10], К. Е. Боулдина [11], З. Лаиди [12], С. Лукеса [13], Л. Р. Алиевой и К. Р. Амбарцумян [14], Е. Г. Борисовой [15], М. М. Лебедевой [16], И. В. Радикова [17], А. В. Торкунова [18], Ю. В. Ярмага [1; 5] и др. Чрезвычайно важной для нашего исследования является нормативно-правовая база, в связи с чем мы обращаемся к официальным разработкам программ академической мобильности, экспорта образования, а также иным документам, регламентирующим мягкосиловое влияние на базе государственных организаций, реализующих эту концепцию.

Термин «soft power» («мягкая сила», «мягкая власть», «гибкая власть») был предложен в нача-

ле 1990-х гг. Дж. Наем [19, р. 20], хотя он не является единственным создателем данной концепции¹. Тем не менее, даже если практика «мягкой силы» берет свое начало в другом месте, ученые по-прежнему признают тот неоспоримый факт, что именно профессор Гарвардского университета был тем, кто ввел термин «мягкая сила» [20, с. 133]. Дж. Най объясняет свою идею создания «мягкой силы» как академической концепции для восполнения пробела в представлениях международных исследователей и ученых о власти, однако термин и его практическое использование получили более широкое применение.

В общем понимании «мягкую силу» определяют как способность одного государства добиваться своих стратегических целей с помощью активного распространения своей «привлекательности» на другие страны через различные сферы общественной жизни, путем нормативного регулирования без использования принуждения.

Российские исследователи при определении значения термина «soft power» придерживаются различных трактовок, таких как «мягкое влияние», «скрытое воздействие», «манипулирование» и др. [1, с. 72]. В конечном итоге «мягкая сила» может пониматься как совокупность факторов общественного сознания, определяющих отношение социальной группы к какому-либо субъекту политики, событию общественной жизни или какой-либо из ее сфер и таким образом усиливающих (или ослабляющих) влияние этого субъекта на данную группу [5, с. 70]. По мнению И. В. Радикова, «важной характеристикой государства, которое обладает «мягкой силой», является создание определенных ценностей и установок, своей специфической политической и экономической модели и продвижение как внутри, так и за пределами государственных границ» [17, р. 19]. Вне зависимости от своего местоположения, находясь как внутри, так и за пределами своей страны, любой гражданин может выступать в качестве транслятора ценностей, источником которых стала «мягкая сила». Трансляция ценностей не тождественна навязыванию, каждый субъект самостоятельно определяет необходимость относить себя к той или иной культуре, принимать или отвергать предлагаемые ценности и модели поведения.

Несмотря на разнообразие подходов к определению, исследователи сходятся во мнении, что интерпретация мягкой силы базируется на формировании международных отношений благодаря привлекательности собственной культуры, ценностей

¹ Дж. Най в работе «Soft Power: the Evolution of a Concept» отрицает то, что является единственным создателем концепции: «Я никогда не утверждал, что изобрел мягкую силу. Это было бы абсурдно, поскольку власть также стара, как и история человечества... Я даже начинаю одну из своих работ цитатой Лао Цзы, написанной в 630 году до нашей эры» [2, р. 200].

и внешней политики, а не силе или финансовому превосходству [6, p. 112].

Формирование концепции существует в синтезе важнейших аспектов, обеспечивающих действие «мягкой силы». Значительный спектр «привлекательностей» обязательно связан с культурой и ее распространением как внутри, так и за пределами государства. Концепция «мягкой силы» необходимо коррелируется с различными формами культуры, которые транслируются в обществе, среди которых можно выделить «особые» формы культуры: безопасность, стратегический курс, направления политики.

В настоящее время единственным по сути социальным институтом, функциональный набор которого определяется именно задачей трансляции социокодов как процесса обеспечения жизнеспособности определенного типа культуры через преэминентность его смыслового и ценностно-нормативного пространства, даже с учетом его неизбежной социально-исторической трансформации, является образование [21, с. 81]. Соответственно, образование выступает одним из самых важных факторов «мягкой силы». Именно поэтому формирование мягкой силы в большей степени может зависеть от развития университетов, чем от усилий публичной дипломатии. [22, с. 19].

В современных условиях обострения международных разногласий и конфликтов необходимо философское переосмысление многих направлений в исследованиях, посвященных развитию образования. Некоторое время назад основные направления базировались на межнациональном диалоге культур, общении с представителями других обществ, основанных на понимании своей национальной идентичности и принятии друг друга как носителей разных культурных концепций [18, с. 86]. В настоящее время подобный подход дает сбои, поскольку «ранее завуалированные стремления одних национальных ценностей быть ведущими становятся все более заметными» [18, с. 87], что, в свою очередь, ведет к культурной экспансии. Образование, являясь одним из системообразующих институтов нации, непосредственно влияет на индивида, обеспечивая диалог, в результате которого формируются отношение, осознаются ценности и формируются особенности личности. Сохранить лидерство отечественной высшей школы в конкурентной борьбе за мировые умы возможно только в условиях постоянного развития образовательного пространства, в синтезе с формальными и содержательными аспектами трансформаций в образовательной политике, отвечающей требованиям современности.

Ряд государств, рассматривая систему образования как модель, привлекательную для потенциальных потребителей, стремится к широкой транс-

ляции основных ценностных установок, образа жизни, философии и культуры, присущих конкретному обществу, фактически осуществляя экспорт образования. Экспорт образования не имеет официально закрепленной формы в нормативно-правовых актах, однако это словосочетание активно вошло в дискурс как сферы образования, так и государственной политики. В самом общем виде экспорт образования можно понимать как реализацию на основе образовательного трансфера (перемещение знаний, навыков, идей из одного образовательного пространства в другое) услуг для иностранных потребителей с целью развития культурных и экономических связей, расширения международного образовательного пространства, а также получения прибыли. Понятие экспорта образования ошибочно трактовать только со стороны предоставления образовательной услуги, экспорт образования является общественным благом, основой для развития в человеке потенциала и комфортной среды для интеллектуального, духовного, творческого и профессионального развития [23, с. 40]. Суть данного подхода заключается в распространении вышеперечисленных установок посредством образовательных процессов и явлений в ходе преподавания конкретного предмета, освоения программы и т.д. То есть экспорт образования может рассматриваться как инструмент «мягкой силы», который «формирует представление о положении государства на мировой арене, а также в социальном, культурном и политическом пространствах, разработке стратегий привлекательности» российских университетов, приглашения талантливых студентов. Примером подобной экспансии может служить распространение английского языка во всем мире, который транслирует культурные ценности и сам стремится стать всемирной ценностью.

Соответственно, высшую школу возможно рассматривать не просто как систему, направленную на подготовку молодого поколения к будущей профессиональной жизни, но и как платформу для применения мягкой силы посредством экспорта образования. Сегодня формулируется особая миссия высшей школы, заключающаяся в воздействии на умы, способствующая созданию, укреплению комплекса ценностей, обеспечивающих безопасность государства, общественной жизни и человека в системе окружающей нестабильности и неопределенности.

Как мы отмечали в наших предыдущих работах [24; 25], ряд основных критериев эффективности отечественных университетов на протяжении последнего десятилетия включал в себя, во-первых, количество иностранных студентов, приезжающих учиться в российские вузы; во-вторых, долю зарубежных профессоров в кадровом

обеспечении учебного процесса, приглашенных для преподавания дисциплин; в-третьих, реализацию образовательных программ на иностранном языке; в-четвертых, сотрудничество с международными организациями и т. д.

Можно выделить два вида факторов – показателей эффективности высшей школы в сфере экспорта образования. Среди них объективные – особенности демографической и геополитической ситуации; предпосылки и мотивы иностранных студентов уехать на обучение за границу; критерии отбора университетов; стратегическое развитие страны в области экспорта услуг, включая ориентированность на мировой рынок. К субъективным факторам можно отнести особенности страны, которая предоставляет образовательные услуги. Относительно России можно выделить следующие факторы: попадание российских университетов в международные рейтинги по различным показателям, уровень международной активности в российских университетах, возможности университетов для выполнения международных актуальных задач, степень развития нормативно-правовой основы, разработка соответствующих федеральных программ, предусматривающих различные виды поддержек, степень информированности потенциальных иностранных студентов о возможностях и особенностях российских университетов и т. д.

С учетом последних постглобализационных трансформаций отечественная высшая школа вынуждена пересматривать свою политику международного взаимодействия. Это относится, в первую очередь, к сокращению программ академической мобильности для российского профессорско-преподавательского состава и программ академического обмена для студенческого состава. Несмотря на то что отечественная высшая школа, безусловно, ощутила последствия произошедших трансформаций (так, в 2023 г. крупнейшие онлайн-платформы, содержащие массовые образовательные курсы, среди которых – Coursera, EdX и др., прекратили сотрудничество с университетами России), но фактически локализация оказала влияние на импорт «западного» образования, а не на экспорт российского. Экспорт отечественного образования и до начала локализационных процессов в большей степени осуществлялся в азиатско-тихоокеанском направлении.

Несмотря на то что начиная с 2022 г. уровень экспорта образования на территории России значительно снизил свое распространение на студентов из стран Европы, основными координаторами поддержания системы экспорта высшего образования являются студенты из стран СНГ и новые партнеры, заключившие договоры сотрудничества в 2022 г.

Число иностранных студентов, которые получают высшее образование в российских вузах, превысило прошлогодний показатель более, чем на восемь процентов – в 2022 г. поступило около 350 тысяч человек. По мнению специалистов, в настоящее время нет оснований полагать, что в ближайшем будущем российские университеты ждет снижение численности иностранных учащихся, поскольку в Россию на обучение приезжают, как правило, абитуриенты из стран Содружества Независимых Государств, Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, а не из европейских стран. Для иностранцев обучение в России привлекательно, поскольку ежегодно выделяются квоты на бесплатное образование, количество которых правительство РФ планирует увеличивать [26].

По данным РАЭК-Аналитика на 2022 г., большинство приезжих являются гражданами, входящими в правительственный список «дружественных» стран, что составляет примерно 95% всех иностранных студентов [27]. Лидирующую позицию по количеству студентов, которые приехали обучаться в российские университеты по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры занимает Казахстан – 61 тыс. человек. В пятерке «лидеров» – Узбекистан (48,7 тыс. студентов), Китай (32,6 тыс. студентов), Туркменистан (30,6 тыс. студентов), Таджикистан (23,1 тыс. студентов), Индия (16,7 тыс. студентов).

Мы можем выделить следующие факторы, влияющие на увеличение численности студентов из стран СНГ посредством экспорта российского образования. К внутренним факторам относятся, во-первых, качественный уровень отечественного образования, который в целом выше, чем в среднестатистических университетах СНГ; во-вторых, русскоговорящих студентов из стран СНГ привлекает отсутствие языкового барьера в российских университетах; в-третьих – студентов из стран СНГ привлекают программы поддержки и стипендии для иностранных граждан. В качестве дополнительных «притягивающих» факторов студенты из стран СНГ выделяют следующие: общую осведомленность о России, признание на родине российских дипломов; рекомендации и положительные отзывы родственников и знакомых; сведения о «престижности» российских университетов; социальные связи в России. Кроме того, немаловажным фактором успешного экспорта отечественного образования является незначительная удаленность от границ «государств-импортеров» (так, Новосибирск и Томск зачастую привлекает абитуриентов из Казахстана близким расположением [28]).

При этом увеличение доли иностранных студентов на территории РФ не является конечной

целью, хотя позволяет привлечь дополнительное финансирование и подготовить потенциальных высококвалифицированных специалистов из числа иностранных выпускников как на территории РФ, так и на их родине. Стратегическая цель отечественной высшей школы заключается в распространении российской культуры и формировании привлекательного положительного имиджа России в международном культурном пространстве.

Выводы. На основании проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, понимание контекста и сферы влияния «мягкой силы» являются основными компонентами, которые помогают воздействовать на мир исключительно путем распространения привлекательного образа, ценностей, культуры и политики страны. Можно выделить три основных уровня использования «мягкой силы»: на первом – формальном – уровне происходит разграничение сферы влияния и распространения представлений о внешнем мире; на втором – государственном – уровне возможно распространение привлекательности культуры и интересов конкретной страны и развитие различных сфер влияния; третий уровень – содержательный – предполагает создание реальных действенных способов внедрения «мягкой силы» через культуру, ценности и интересы.

Во-вторых, образование, являясь транслятором культуры, способно выступать в качестве одного из самых эффективных факторов «мягкой силы»,

отвечая за прямое влияние на индивида, обеспечивая помимо воздействия диалог, в результате которого формируются отношение, осознаются ценности и формируются особенности личности. Сегодня формулируется особая миссия высшей школы, заключающаяся в воздействии на умы, способствующая созданию, укреплению комплекса ценностей, обеспечивающих безопасность государства, общественной жизни и человека в системе окружающей нестабильности и неопределенности. В системе образования действие «мягкой силы» невозможно осуществить без помощи государственных структур, а также без определенного набора инструментов, которые формируют и реализуют «мягкую силу» на практике. Экспорт образования может выступать в качестве работающего действенного инструмента «мягкой силы», формирующего представление о положении государства на мировой арене. Если окажется возможным расширить подход, при котором отечественная высшая школа рассматривается не только как система, направленная на подготовку молодого поколения к будущей профессиональной жизни, но и как платформа для применения «мягкой силы», то это может способствовать созданию и укреплению комплекса ценностей, обеспечивающих безопасность государства. Положительным итогом в такой ситуации становится возможность продолжения формирования межкультурного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярмач Ю. В. «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса. // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11, №4. С. 69–75.
2. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. Vol. 14, no. 1. P. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
3. Антюхова Е. А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, №4. С. 197–209. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.17.
4. Костикова А. А., Спартак С. А. Партнерство государства и бизнеса в международных отношениях // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. №2. С. 32–49.
5. Ярмач Ю. В. Многоликая мягкая сила. Москва: ИЭТ, 2020. 318 с.
6. Nye J. S., Jr. Soft power: the means to success in world politics. Chicago: PublicAffairs, 2004. 191 p.
7. Nye J. S., Jr. The future of power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.
8. Nye J. S., Jr. How sharp power threatens soft power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence // Foreign Affairs: website. 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 24.07.2023).
9. Nye J. Soft power and higher education // Educause: website. 2005. URL: <https://library.educause.edu/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf> (accessed 24.07.2023).
10. Baldwin D. A. Power and international relations: a conceptual approach. Princeton: Princeton Univ. Press, 2016. 240 p.
11. Boulding K. E. Three faces of power. London: Sage Publ., 1989. 257 p.
12. Laidi Z. The hardening of soft power // The Daily Star: website. URL: <https://www.thedailystar.net/opinion/project-syndicate/news/the-hardening-soft-power-1825171> (accessed 18.05.2023).
13. Lukes S. Power: a radical view. 2nd ed. London: Palgrave, 2005. 192 p.
14. Алиева Л. Р., Амбарцумян К. Р. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, №2. С. 197–216.

15. Soft power. Мягкая сила, мягкая власть: междисциплинарный анализ: [коллективная моногр.] / ред. Е. Г. Борисова. Москва: Флинта: Наука, 2015. 184 с.
16. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3. С. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
17. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №2. Р. 19–26.
18. Торкунов А. В. Образование как инструмент «Мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 85–93.
19. Nye J. S., Jr. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic books, 1990. 336 p.
20. Bakalov I. Whither soft power? Divisions, milestones, and prospects of a research program in the making // Journal of Political Power. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2019.1573613>.
21. Каменский Е. Г. Высшее образование как транслятор культурно-цивилизационных социокодов // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2014. Т. 1, №1. С. 79–85.
22. Леонова О. Г. «Мягкая сила», ее индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2, №2. С. 15–23.
23. Филиппова М. Ю. Экспорт образования как правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2019. №1. С. 39–45.
24. Петров В. В. За пределами Болони: перспектива развития отечественных университетов в условиях локализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 142–150. DOI: 10.17223/1998863X/72/13.
25. Петров В. В. Трансформация отечественной системы ВПО: сдерживающие факторы и неоднозначность оценки // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, №3. С. 23–32. DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-03.
26. Образование на экспорт: среди иностранцев растет интерес к российскому образованию // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obrazovanie/16661751> (дата обращения: 29.05.2023).
27. RAEX обновило линейку предметных рейтингов вузов России // RAEX Rating Review: сайт. URL: <https://raex-rr.com/news/press-reliz/subject-rankings-2023/> (дата обращения: 16.05.2023).
28. Сотрудничество России и Казахстана: межвузовское партнерство, новые филиалы университетов, совместные научно-технические проекты // Министерство науки и высшего образования: сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> (дата обращения: 29.05.2023).

REFERENCES

1. Yarmak, Yu. V. «Soft power» in the communicative space of public administration: the history of the issue. *Diskurs-Pi*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 69–75. (In Russ.).
2. Nye, J. S. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 2021, vol. 14, iss. 1, pp. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
3. Antyukhova, E. A. Education as a soft power in modern foreign and Russian politological research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 197–209. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.17. (In Russ.).
4. Kostikova, A. A., Spartak, S. A. State and business partnership in international relations. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2018, no. 2, pp. 32–49. (In Russ.).
5. Yarmak, Yu. V. *The many faces of soft power*. Moscow, IET, 2020, 318 p. (In Russ.).
6. Nye, J. S., Jr. *Soft power: the means to success in world politics*. Chicago, PublicAffairs, 2004, 191 p.
7. Nye, J. S., Jr. *The future of power*. New York, PublicAffairs, 2011, 320 p.
8. Nye, J. S., Jr. How sharp power threatens soft power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence. *Foreign Affairs: website*. 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 24.07.2023).
9. Nye, J. Soft power and higher education. *Educause: website*. 2005. URL: <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf> (accessed 24.07.2023).
10. Baldwin, D. A. *Power and international relations: a conceptual approach*. Princeton, Princeton Univ. Press, 2016, 240 p.
11. Boulding, K. E. *Three faces of power*. London, Sage Publ., 1989, 257 p.
12. Laidi, Z. The hardening of soft power. *The Daily Star: website*. URL: <https://www.thedailystar.net/opinion/project-syndicate/news/the-hardening-soft-power-1825171> (accessed 18.05.2023).
13. Lukes, S. *Power: a radical view*. 2nd ed. London, Palgrave, 2005, 192 p.
14. Alieva, L. R., Ambartsumyan K. R. The role of international academic mobility in strengthening the effectiveness of the «soft power» policy in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 197–216. (In Russ.).

15. Borisova, E. G. (ed.) *Soft power. Soft force, soft authority: an interdisciplinary analysis: [collective monogr.]*. Moscow, Flinta, Nauka, 2015, 184 p. (In Russ.).
16. Lebedeva, M. M. «Soft power»: concept and approaches. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3, pp. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. (In Russ.).
17. Radikov, I., Leksyutina, Ya. «Soft power» as a contemporary attribute of a great power. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, no 2, pp. 19–26. (In Russ.).
18. Torkunov, A. V. Education as a tool of «soft power» in Russia's foreign policy. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.).
19. Nye, J. S., Jr. *Bound to lead: the changing nature of American power*. New York, Basic books, 1990, 336 p.
20. Bakalov, I. Whither soft power? Divisions, milestones, and prospects of a research program in the making. *Journal of Political Power*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2019.1573613>.
21. Kamensky, E. G. Higher education as a translator of cultural and civilizational sociocodes. *Nauchnyi rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.).
22. Leonova, O. G. «Soft power», its indicators and measurement tools. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.).
23. Filippova, M. Yu. Export of education as a legal phenomenon. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2019, no. 1, pp. 39–45. (In Russ.).
24. Petrov, V. V. Outside Bologna: national universities' development perspective in the localization context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2023, no. 72, pp. 142–150. DOI: 10.17223/1998863X/72/13. (In Russ.).
25. Petrov, V. V. The domestic high school professional education system transformation: constraining factors and the assessment ambiguity. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 23–32. DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-03. (In Russ.).
26. Education for export: interest in Russian education is growing among foreigners. *TASS: sait*. URL: <https://tass.ru/obrazovanie/16661751> (accessed 29.05.2023). (In Russ.).
27. RAEX has updated its line of subject rankings of Russian universities. *RAEX Rating Review: website*. URL: <https://raex-rr.com/news/press-reliz/subject-rankings-2023/> (accessed 16.05.2023). (In Russ.).
28. Cooperation between Russia and Kazakhstan: inter-university partnership, new university branches, joint scientific and technical projects. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya: sait*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46685/> (accessed 29.05.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры социальной философии и политологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: v.v.p@ngs.ru).

Статья поступила в редакцию 31.07.2023

После доработки 28.08.2023

Принята к публикации 31.08.2023

Information about the author

Vladimir V. Petrov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of the Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University (1 Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: v.v.p@ngs.ru).

The paper was submitted 31.07.2023

Received after reworking 28.08.2023

Accepted for publication 31.08.2023